

1861 - 1932

ВАСИЛІЙ ЛАШКОВЪ.

АНТОЛОГІЯ

РУМЫНСКОЙ ПОЭЗІИ

Съ предисловіемъ профессора *С. Н. Чебана*,
члена Румынской академіи наукъ.

Т. Вигорин

Tipografia Eparhială—„CARTEA ROMÂNEASCĂ”

1928

821.135.1-1
- 62

821.135.1-1 = 161.1 (082)
821.135.1-822 = 161.1

922179U

Consiliul Județean Cluj
Biblioteca Județeană
"Octavian Goga"

1/A62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чѣмъ-то знакомымъ, давнишнимъ, безконечно дорогимъ и красивымъ вѣтъ отъ «Антологіи румынской поэзіи» В. Л. Лашкова.

Если бы переводчикъ скрылъ отъ насъ имена румынскихъ авторовъ, мы получили бы впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, художественно-отдѣланнаго, совершенно законченнаго, мы были бы во власти опредѣленныхъ художественныхъ переживаній.

Чарующая лирика интимной жизни, любовь— основа человѣческаго духа; любовь, возвышающая душу, утончающая и облагораживающая; любовь, просвѣщенная ясностью и глубиною философской мысли, очищенная отъ низменныхъ страстей; женщина— звено между твердью и прахомъ, посредница между небомъ и землей; наконецъ—тревожные вопросы человѣческаго бытія, вѣчный разладъ между мечтой и дѣйствительностью—вотъ основные мотивы «Антологіи».

Когда ты нѣжныхъ пѣсенъ ждешь
Про дивный взоръ и станъ твой гибкій,
Меня ты къ небесамъ влечешь
Своею ангельской улыбкой.

[„Въ альбомъ“ В. Александри].

И все это, всѣ тезы «Антологіи» обвѣяны ароматомъ неуволимой элегіи, окутаны въ дымку красивой, проникновенной печали, подернуты флеромъ нѣжной, примиряющей скорби.

О, какъ я полюбить хотѣлъ бы снова,
Чтобъ жизнь цвѣла весенней красотой,
И озарила вдругъ мой путь глухой
Волшебница изъ сказокъ и былого.

Эта строфа изъ прелестнаго стихотворенія А. Влахуцы могла бы служить motto къ «Антологіи» В. Л. Лашкова.

Та же вѣра въ «непобѣдимую силу любви», та же ущемляющая тоска по далекомъ, невозвратимомъ прошломъ чувствуется и въ стихотвореніи Т. Робяну «О, если бы»:

О, если бы хоть разъ вернулись
Иллюзіи моей весны!
И сказки снова улыбнулись
И снова снились счастья сны.
Тогда бы въ глубь души сокрытой
Вновь стали звѣзды проникать...

В. Л. Лашковъ, не слѣдуетъ забывать этого, не авторъ «Антологіи», а только переводчикъ. Онъ даетъ намъ имена многочисленныхъ поэтовъ [числомъ 37], самыхъ разнообразныхъ направленій, самыхъ противорѣчивыхъ настроеній. Здѣсь и почти псевдоклассическій Гр. Александреску, и

модернистъ О. Денсушіану, и классикъ Г. Мурну, и символистъ І. Минулеску. Здѣсь нашелъ себѣ мѣсто чарующій оптимистъ В. Александри, и поэтъ шопенгауэрэвской скорби М. Еминеску, и сатирической реалистъ Г. Топырчану, и мистико-философскій Н. Крайникъ, и Л. Блага. Рядомъ съ именемъ величайшаго румынскаго лирика М. Еминеску мы встрѣчаемъ имена почти неизвѣстныхъ. Тутъ и поэты пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія и едва начинающіе таланты.

И удивительно! Изъ всего этого разнообразія настроеній, талантовъ, эпохъ, направленій переводчикъ создалъ одну гамму; въ этой многоцвѣтной «Антологіи» трепещетъ и бьется одна душа, слышно одно внутреннее созвучіе.

Если правда, что читатель переживаетъ настроенія автора, что въ немъ повторяется процессъ творчества, В. Л. Лашковъ постигъ высшую тайну художественнаго проникновенія въ чужое созданіе, умѣнія стать наряду съ авторомъ. Онъ спустился въ затаенную область, проникъ въ глубины душъ переводимыхъ авторовъ и извлекъ оттуда только то, что сродно его душѣ, что отражено волнуетъ ея струны, трогаетъ его сердце, радуетъ или печалитъ, чаще всего печалитъ. И музыкально-чистые, удивительно тонкіе и нѣжные

И все это, всѣ тезы «Антологіи» обвѣяны ароматомъ неуловимой элегіи, окутаны въ дымку красивой, проникновенной печали, подернуты флеромъ нѣжной, примиряющей скорби.

О, какъ я полюбить хотѣлъ бы снова,
Чтобъ жизнь цвѣла весенней красотой,
И озарила вдругъ мой путь глухой
Волшебница изъ сказокъ и былого.

Эта строфа изъ прелестнаго стихотворенія А. Влахуцы могла бы служить motto къ «Антологіи» В. Л. Лашкова.

Та же вѣра въ «непобѣдимую силу любви», та же ущемляющая тоска по далекомъ, невозвратимомъ прошломъ чувствуется и въ стихотвореніи Т. Робяну «О, если бы»:

О, если бы хоть разъ вернулись
Иллюзіи моей весны!
И сказки снова улыбнулись
И снова снились счастья сны.
Тогда бы въ глубь души сокрытой
Вновь стали звѣзды проникать...

В. Л. Лашковъ, не слѣдуетъ забывать этого, не авторъ «Антологіи», а только переводчикъ. Онъ даетъ намъ имена многочисленныхъ поэтовъ [числомъ 37], самыхъ разнообразныхъ направленій, самыхъ противорѣчивыхъ настроеній. Здѣсь и почти псевдоклассическій Гр. Александреску, и

модернистъ О. Денсушіану, и классикъ Г. Мурну, и символистъ І. Минулеску. Здѣсь нашелъ себѣ мѣсто чарующій оптимистъ В. Александри, и поэтъ шопенгауэрэвской скорби М. Еминеску, и сатирической реалистъ Г. Топырчану, и мистико-философскій Н. Крайникъ, и Л. Блага. Рядомъ съ именемъ величайшаго румынскаго лирика М. Еминеску мы встрѣчаемъ имена почти неизвѣстныхъ. Тутъ и поэты пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія и едва начинающіе таланты.

И удивительно! Изъ всего этого разнообразія настроеній, талантовъ, эпохъ, направленій переводчикъ создалъ одну гамму; въ этой многоцвѣтной «Антологіи» трепещетъ и бьется одна душа, слышно одно внутреннее созвучіе.

Если правда, что читатель переживаетъ настроенія автора, что въ немъ повторяется процессъ творчества, В. Л. Лашковъ постигъ высшую тайну художественнаго проникновенія въ чужое созданіе, умѣнія стать наряду съ авторомъ. Онъ спустился въ затаенную область, проникъ въ глубины душъ переводимыхъ авторовъ и извлекъ оттуда только то, что сродно его душѣ, что отражено волнуетъ ея струны, трогаетъ его сердце, радуетъ или печалить, чаще всего печалить. И музыкально-чистые, удивительно тонкіе и нѣжные

аккорды выплываютъ въ иныхъ ритмахъ, на другомъ языкѣ, и не кажутся вовсе переводомъ.

Да это и не есть, въ сущности, искусно сдѣланный, пассивный переводъ мастера слова, техника версификаціи; это не холодная передача чужой поэзіи. Это—вдохновенное постиженіе художественной природы чужого таланта, чужой радости и горя, чужой души.

Прочтите это дивное «Письмо» Д. Ангела:

Пишу,—чтобъ знала ты, что все у насъ какъ было,
Что я вещицы здѣсь не тронулъ ни одной..
Перчатка на столѣ всѣ формы сохранила
И кажется твоей прелестною рукой.

И вотъ твой вѣеръ здѣсь и зеркало ручное.
Для каждой женщины вѣрнѣйшій изъ друзей:
Оно таитъ въ себѣ, оно несетъ съ собою
Секреты тайныхъ думъ и запертыхъ дверей.

И въ воздухѣ еще хранится запахъ нѣжный,
Твой запахъ, можетъ быть, иль тѣхъ прекрасныхъ розъ,
Что увядали здѣсь предъ смертью неизбѣжной,
Прибавивъ къ памяти еще немного слезъ..

Такъ въ комнаткѣ у насъ... Но тотъ, который ждетъ,
Печалень и угрюмъ, еще рѣшить не смѣя,
Еще не зная самъ: онъ мертвъ или живеть
Забытымъ сторожемъ какого-то музея...

Это не простой переводъ. Здѣсь художественная интуиція переводчика уловила переживанія автора, проникла въ изгибы его души. Кажется, что переводчикъ любитъ вмѣстѣ съ авторомъ, пріобщается къ его страданіямъ, улавливаетъ внутреннее созвучіе, внутреннюю рѣчь его произведенія, красоту и глубину настроенія.

Какъ было указано, переводчикъ признаетъ главнымъ образомъ опредѣленное ядро настроеній: царство любви съ ея переживаніями, съ ея разочарованіями, томленіями; признаетъ высокое чувство любви, окаймленное дымкой грусти, переходящее иногда даже въ пессимизмъ, и все же освѣщенное чистымъ сверхземнымъ свѣтомъ, поставленное въ ряду высшихъ вопросовъ жизни. Иногда кажется, что въ выборѣ стихотвореній это и было импульсомъ, ставилось цѣлью.

Произведенія съ содержаніемъ социальнымъ, политическимъ или національнымъ не нашли или же, во всякомъ случаѣ, нашли не много мѣста въ «Антологіи румынской поэзіи». И если это, можетъ быть, является ущербомъ для полноты ея характеристики, если литературныя фізіономіи иныхъ авторовъ выявляются здѣсь не сполна, то все же предложенный «Антологіей» матеріалъ очень цѣненъ, такъ какъ въ немъ дается безконечно много

для пониманія румынской литературы и освѣщенія въ ней кардинальныхъ вопросовъ жизни.

Насъ, какъ сказано, прельщаютъ въ «Антологіи» мотивы вѣчно й, всемірной, общечеловѣческой любви, иногда неудовлетворенной, тревожной, больной, но всегда чарующей, плѣнительной и задушевной. Эта черта, которая ближе намъ, понятнѣе чуткому сердцу, увлекательнѣе для всей эмоціональной стороны человѣческаго существа, вводитъ читателя сразу въ атмосферу румынской чистой лирики, знакомитъ его, можно сказать, съ избранными произведеніями румынской поэзіи.

Необходимо помнить, что если румынская повесть и романъ не поднялись надъ уровнемъ обыкновеннаго, то румынская поэзія, которая знаетъ геніальнаго, неподражаемаго М. Еминеску, имѣетъ классическіе образцы интимной, нѣжной, задушевной лирики, необыкновенно утонченной въ смыслѣ формы.

Румынская лирика XIX-го вѣка, героической эпохи пробужденія національнаго самосознанія и опредѣленія политическаго бытія румынскаго народа, отражаетъ въ себѣ тѣ же совѣстливыя исканія европейской мысли и чувства: въ ней видна та же міровая скорбь, та же повышенная чуткость къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ,

къ тайнамъ міра, къ страданіямъ человѣка, то же стремленіе къ туманнымъ далямъ человѣческаго счастья.

Она знаетъ и глубину отчаянія и философской скорби въ поэзіи М. Еминеску, и острое озлобленіе у Гр. Александреску, и революціонный порывъ у Ц. Болиака, и страстный протестъ противъ мірового зла у К. Россети, и разгнѣванный голосъ бунтаря противъ соціального несовершенства у Г. Кошбука, и горящую жажду національнаго освобожденія у О. Гоги.

Но она знаетъ и высокія, чистыя лазури созерцанія бытія и вѣковѣчныя чувства наслажденія и страданія любви.

И В. Л. Лашковъ выявляетъ намъ одну изъ главныхъ сторонъ этой лирики.

Передъ нашимъ взоромъ возстаетъ тоскующій образъ румынскаго поэта, ищущаго, неудовлетвореннаго, иногда упоеннаго любовью, и все же страдающаго надъ «проклятыми вопросами» человѣческаго бытія. Это прекрасное лицо поэта съ задумчивыми глазами, отражающими всю глубь человѣческаго страданія

Въ твоихъ глазахъ жуть преступленій
И отблескъ вѣчнаго ничто,
Въ нихъ сны грѣха и наслажденій,
Которыхъ не видалъ никто.

[І. Минулеску].

Тѣ же тревожныя исканія, которыя питають чистый родникъ вдохновенія лучшихъ европейскихъ поэтовъ, мы находимъ и въ «Антологіи румынской поэзіи».

Казалось мнѣ, я на землѣ одинъ,
И небо мнѣ казалось колокольной,
Чей колоколь забылъ про міръ юдольный,
И вѣтеръ лишь шумитъ съ его вершинъ.
Остановился времени полетъ,
И изъ вѣковъ, минувшихъ за вѣками,
Во тьмѣ ночной, покрывшей все крылами,
Меня къ себѣ не знаю кто зоветъ..
[Д. Ботезъ].

Нѣчто, родственное душамъ высшихъ поэтовъ одинаково чуткое, столь же высокое по надзвѣздности порывовъ и глухое по мукамъ сомнѣній, чувствуется и въ стихотвореніяхъ румынскихъ поэтовъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ нѣтъ чего-то тоскливо-ищущаго, чего-то скитальческаго и страдающаго въ такихъ поэтическихъ отрывкахъ:

Въ сандаляхъ на зарѣ я вышелъ изъ преддверій,
И въ поискахъ дорогъ безцѣльно я блуждалъ
.....

Простора одного мой взоръ давно алкалъ,
Безумно жаждалъ я таинственныхъ мистерій,
Но скупы заперъ онъ, невѣдомый, всѣ двери
И хоть крупницы мнѣ богатствъ не обѣщаль.

[Г. Грегорианъ].

Или :

Не думай ты о дняхъ прошедшихъ
И не оглядывай тѣней,—
Быть можетъ души всѣхъ ушедшихъ
Въ тотъ міръ,—какъ знать?—гдѣ нѣтъ скорбей,
Забыли насъ.

.....
Взгляни кругомъ себя—на море
Житейскихъ бѣдъ. Зачѣмъ тонуть?

[О. Денсушіану].

Эти элегическіе мотивы блужданій человѣческой души, эти неясныя томленія находятъ себѣ выраженіе въ удивительныхъ сравненіяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчающихся въ поэзіи румынскихъ авторовъ и прекрасно уловленныхъ переводчикомъ. Изгибы настроеній души очень тонко передаются не только сравненіями, взятыми изъ царства природы, но даже проявленіями активной жизни, иногда отвлеченными понятіями; эта поэтическая символика иногда очень ярка. Прочтите «На распутьи» В. Войкулеску :

Есть перекрестки душъ, такіе жъ, какъ въ пути;
Проселки разные съ заросшею тропою :
Распутіе дорогъ... Которой же идти ?
Окрестности мертвы и никого съ тобою.
Въ какую сторону распутья повернуть,—
Ни знака, ни слѣдовъ ушедшихъ передъ нами.
И какъ рѣшить, кто выбралъ вѣрный путь ?
Вѣдь каждый путь усѣянъ лишь крестами..

Эта символика неопредѣленныхъ настроеній какъ нигдѣ лучше выражена въ двухъ стихотвореніяхъ І. Валеріана «Фантомъ» и «Караванъ». Развѣ не вѣсть чѣмъ-то жутко-балладнымъ въ послѣднемъ стихотвореніи:

Сталъ караванъ для отдыха въ пустынь,
Печальной и пустой, какъ мертвая душа,
И прилегли усталые въ равнинѣ
Верблюды мирно въ рядъ, подъ кладью чуть дыша.

Онъ долго шелъ изъ Индіи богатой
И много везъ съ собой товаровъ дорогихъ:
Парчу и шелкъ, каменія и злато
И много древнихъ книгъ, и мудрыхъ и святыхъ,
Съ большимъ трудомъ разысканныхъ когда то

И стало вечерѣть. И вдругъ неожиданно
Задвигались пески, самумъ забушевалъ,
Какъ грозный смерчъ въ пустыняхъ океана.
Когда жъ все улеглось, то даже слѣдъ пропалъ
Богатаго, большаго каравана.

Съ тѣхъ поръ боюсь я пустоты молчанія
И не даю душѣ забыться мирнымъ сномъ:
Онъ предо мной, какъ будто указаніе,
И живъ во мнѣ онъ въ тайникахъ сознанья
Тотъ мертвый караванъ, засыпанный пескомъ

Или, напримѣръ, слѣдующее неподобное сравненіе въ стихотвореніи Г. Талаза «Здѣсь хороводъ»:

Здѣсь хороводъ. И всюду оживленье
И пѣснь звонка. Ликуеть все вокругъ.
Но родины я слышу сожалѣніе:
„Ты мнѣ чужой. Ты не знакомъ мнѣ, внукъ!“
И слышу я, что сердце робко бьется,
Какъ пилигримъ у запертыхъ воротъ.
Напрасно все

При всей субъективности въ выборѣ стихотвореній В. Л. Лашковъ сумѣлъ, какъ рѣдко кто другой, передать духъ произведенія, его вну-треннюю музыку, даже размѣръ.

И если вѣтки въ раму бьютъ
И тополи тревожны,—
Вѣдь это въ мирный мой пріютъ
Ты входишь остожно.

И если звѣзды въ прудъ глядятъ,
Въ глубины западая,—
Вѣдь это свѣтитъ мнѣ твой взглядъ,
Боль сердца утоляя

И если изъ-за тучъ луна
Роняетъ лучъ неожиданно,—
Вѣдь это въ мысляхъ ты одна
Сіяешь постоянно.

Кто читалъ въ оригиналѣ это великолѣпное стихотвореніе М. Еминеску, тотъ пойметъ всю красоту передачи его на русскій языкъ, всю необыкновенную его музыкальность, все его настроеніе, весь поэтическій ароматъ.

Составилось убѣжденіе, что стихотворенія непереводимы, что Пушкинъ, на примѣръ, не можетъ быть переданъ стихотворно на другой языкъ, что поэзія теряетъ въ переводѣ всю свою прелесть.

Изящная, пластическая передача В. Л. Лашко-

вымъ на русскій языкъ стихотвореній румынскихъ поэтовъ способна опровергнуть это ходячее мнѣніе.

В. Л. Лашковъ какъ будто не ищетъ выразительной, не знаетъ столь обычныхъ въ поэзіи «мукъ слова», не видитъ технических затрудненій. Получается впечатлѣніе, что онъ роняетъ слова безопасно, легко, небрежно. Стихъ у него льется ровной гладью. Онъ дѣлаетъ увѣренные изгибы, подчиняя звуки опредѣленному размѣру.

Прекрасный стилистъ, авторъ тома «Стихотворенія и афоризмы», о которыхъ Владиміромъ Соловьевымъ былъ данъ рѣдкій, необыкновенно тонкій отзывъ, сотрудникъ лучшихъ русскихъ журналовъ, вплоть до главнѣйшаго изъ нихъ, «Вѣтника Европы», авторъ нѣсколькихъ пьесъ, В. Л. Лашковъ отнесся къ своей «Антологіи», какъ поэтъ, какъ настоящій писатель. И если Владиміръ Соловьевъ нашелъ въ его стихотвореніяхъ, что искалъ его философскій умъ въ поэзіи,—этотъ фактъ объясняетъ намъ тональность стихотвореній, выбранныхъ В. Л. Лашковымъ изъ румынскихъ поэтовъ, и философскій колоритъ ихъ, и дивную музыку чарующихъ аккордовъ перевода.

В. Л. Лашковъ въ «Антологіи румынской поэзіи» открылъ свое внутреннее святилище, гдѣ нашли себѣ пріютъ прекрасныя, нѣжныя и скорбныя

души многихъ поэтовъ, ищущія, страдающія, тоскующія по мечтѣ.

Одинокъ, томимъ тоскою,
Вяло брель я за мечтой.

[Ст. Іосифъ]

И переводчикъ—поэтъ, переводчикъ--Гамлетъ, съ грустной, увядающей улыбкой, принимаетъ ихъ въ свое святилище, потому что они его друзья, они его близкіе, родные. И онъ благородно и трогательно повѣдалъ намъ о нихъ, объ ихъ радостяхъ и горестяхъ.

В. Л. Лашковъ былъ истиннымъ поэтомъ въ этихъ дивныхъ переводахъ изъ румынской лирики.

Ст. ЧЕБАНЪ.

Михаилъ Еминеску.

О, ПРИХОДИ!

Смотри и ласточекъ ужъ нѣтъ,
Орѣхъ безъ листьевъ, какъ скелеть,
И на лозу легъ иней сплошь,—
А ты нейдешь! а ты нейдешь!

О, приходи ко мнѣ опять,
Съ восторгомъ къ сердцу дай прижать
И головой припасть моей
Къ груди твоей, къ груди твоей!

Ты помнишь ли, какъ по лугамъ
Бродить пріятно было намъ,
И какъ съ тобой я рядомъ шель
И нѣжно вель, и нѣжно вель?

На свѣтѣ много женъ другихъ,
Горятъ, какъ искры, взоры ихъ,
Но пусть прелестны всѣ онѣ,—
Ты ближе мнѣ, ты ближе мнѣ.

Вѣдь озаряла ты въ тиши
Одна всю жизнь моей души,—
Такъ заблести-жъ звѣздою вновь,
Моя любовь, моя любовь!

Ужъ осень поздняя бредеть,
Послѣдній листъ съ деревьевъ рветъ,
И всѣ поля пустынны сплошь,
А ты нейдешь! ты все нейдешь!..

С О Н Е Т Ъ.

Не мало лѣтъ ушло и много ихъ умчится
Съ тѣхъ поръ, какъ были мы другъ въ друга
влюблены,
И все-жъ мечтаю я объ этихъ дняхъ весны,
Когда глаза горять, а мысль еще дичится.

Приди-жъ ко мнѣ опять! Мнѣ ласки такъ нужны,
И пусть твой нѣжный взоръ мнѣ въ душу углу-
бится,
И пусть въ его лучахъ весь міръ озолотится,
И пѣсни новыя сорвутся со струны.

Ты и не чувствуешь, что близостью ко мнѣ
Ты дѣлаешь весну и въ сердце пѣсни льются,
Какъ тихій свѣтъ звѣзды въ вечерней тишинѣ.

Когда-жъ уста твои по-дѣтски улыбнутся,
Мои страданія утонуть въ глубинѣ,
И загорится взоръ, и грезы всѣ проснутся.

О, ОСТАНЬСЯ!..

„О, останься, будь со мною,—
Глубока любовь моя!
Все, къ чему ты льнешь душою,
Постигаю только я.

«Въ чащѣ мирной и тѣнистой
Будешь ты, какъ принцъ, чей взоръ,
Темный, умный и лучистый,
Проникаетъ въ глубь озеръ.

«Въ тихомъ шелестѣ растеній
И въ лѣсной живой волнѣ
Ты уловишь шагъ оленій
Въ нерушимой тишинѣ.

«Чарамъ ночи отдаваясь
И обласканный луной,
Станешь ты, воды касаясь
Осторожною ногой.

«Здѣсь, въ моемъ уединеннѣи,
Тайну-бъ счастья ты постигъ,—
Годы будутъ, какъ мгновенье,
Вѣкомъ будетъ сладкій мигъ».

Такъ мнѣ лѣсъ твердилъ ревниво,
Вкругъ меня кольцомъ тѣснясь,
Но, далекъ его призыва,
Вышелъ въ поле я, смѣясь...

Какъ вернусь? Съ какой душою?
Вѣдь я сталъ ему чужимъ...
Гдѣ-жъ ты, дѣтство золотое,
Съ этимъ лѣсомъ дорогимъ?..

ПУСТЬ ГОДЪ МЕЛЬКНУЛЪ...

Пусть „завтра“ жизнь твою прибавить,
„Вчера“ убавить дни твои,
И у тебя одно „сегодня“—
Временъ текущія струи.

Едва одинъ мелькнетъ предъ нами,
Другой идетъ на смѣну въ путь,
И если солнце закатилось,
Оно восходитъ гдѣ-нибудь.

Намъ мнится, что другія волны
Бѣгутъ на берега рубежъ,
И мнится, что другая осень,
А листья падаютъ все тѣ-жъ.

За всѣми темными ночами
Царица сладкихъ зорь идетъ,
И даже смерть — воображенья
И силъ невѣдомыхъ полеть.

И жизни каждый мигъ бѣгучій
Неутомимо говорить,
Какъ неподвижно то, что вѣчно,
Хоть всю вселенную кружить.

Пусть годъ мелькнулъ передъ тобою
И утонулъ невдалекѣ,
Остался все же кладъ безцѣнный
Въ твоёмъ душевномъ уголкѣ.

Пусть „завтра“ дни твои прибавить, —
Короче стала жизнь твоя :
Вѣдь у тебя лишь день текущій —
Мгновеній бѣглая струя.

Картины вѣчнаго мельканья,
Что низутъ звенья въ быстринѣ,
Какъ однотонно постоянны
Подъ блескомъ мысли всѣ онѣ!..

И Е С Л И...

И если вѣтки въ раму бьютъ
И тополи тревожны,—
Вѣдь это въ мирный мой пріютъ
Тыходишь осторожно.

И если звѣзды въ прудъ глядятъ,
Въ глубины западая,—
Вѣдь это свѣтитъ мнѣ твой взглядъ,
Боль сердца утоляя.

И если изъ-за тучъ луна
Роняетъ лучъ неожиданно,—
Вѣдь это въ мысляхъ ты одна
Сіяешь постоянно.

ИЗЪ ВѢЧНОЙ ТЬМЫ.

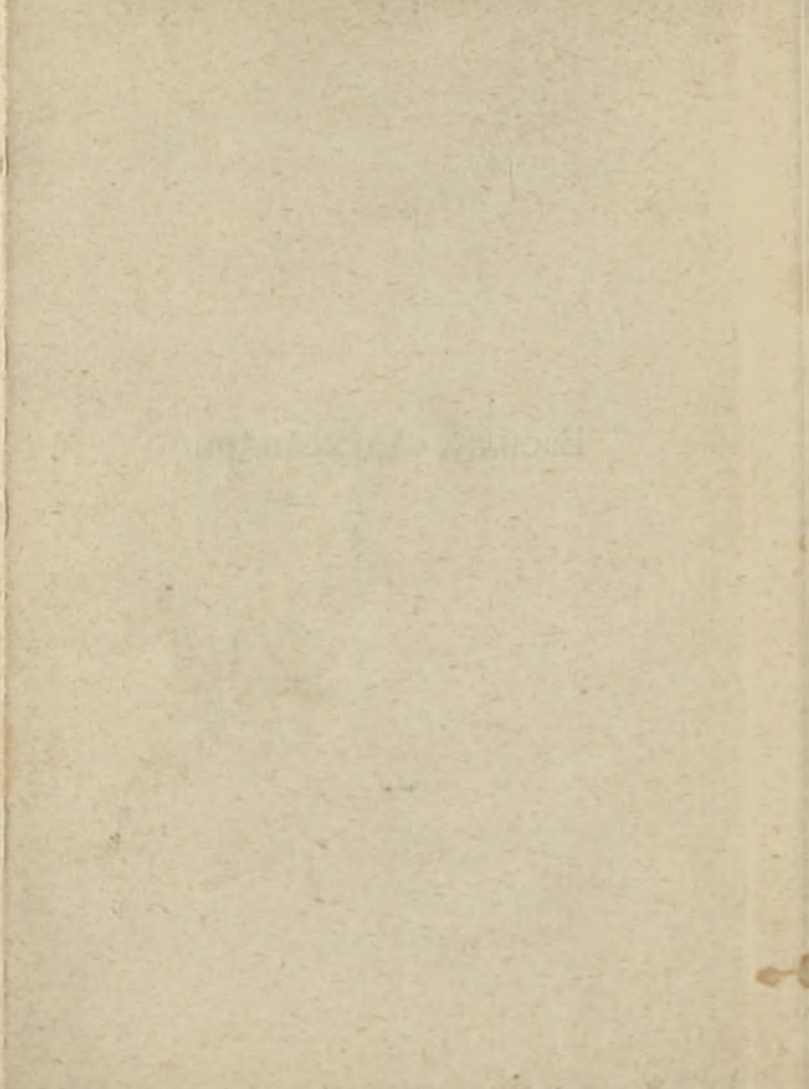
Изъ вѣчной тьмы небытія,—
Въ которую течетъ
И жизни бѣглая струя,
И тихій дня заходъ ;

Откуда вѣсти ни одной
Отъ тѣхъ, чей міръ погасъ, --
Хотѣлъ бы я, чтобъ надъ землей
Ты пронеслась хоть разъ.

И коль въ очахъ, что я любилъ,
Потухъ огонь лучей,—
Узнала бь ты, что потушилъ
Я свѣтъ въ душѣ моей.

И если голосъ дорогой
Не слышенъ у черты, —
Все жъ зналъ бы я, что быть со мной
За гробомъ хочешь ты.

Василій Александри.

П Р О Щ А Й!

О, прощай! Во дни былые,
Горе въ сердцѣ затая,
Эти звуки роковые
Произнестъ не могъ бы я.
Ты-жь, кого душа считала
Божествомъ любви святой,
Ты безстрастно пожелала,
Чтобъ забылъ я образъ твой.

Богъ свидѣтель, какъ съ тобою
Я мечты свои вязалъ
И поэзіей святою
Каждый шагъ твой окружалъ.
И какія зналъ мученья,
Сколько горькихъ слезъ пролилъ
И, лишенный утѣшенья,
Сколько слезъ тебѣ простилъ.

Годы цѣлыя въ чужбинѣ
Былъ въ далекомъ я пути
Для того, чтобы къ вершинѣ
Счастья ты могла дойти.
Годы цѣлыя въ молчаньи,
Такъ любя и такъ скорбя,
Я не ждалъ въ своемъ изгнаньи
Малой жертвы отъ тебя.

Одного желалъ я въ мірѣ,
Чтобъ пока дано мнѣ жить,
Съ каждымъ мигомъ могъ я шире
Лишь одну тебя любить.
Ахъ, зачѣмъ же рой видѣній
Промелькнулъ съ тобой во снѣ
И отъ счастья даже тѣни
Не оставила ты мнѣ!

О, прощай же! Будь счастлива!
И предай того судьбѣ,
Кто «прощай» твердитъ тоскливо,
Вѣчно помня о тебѣ.
Я любилъ тебя безумно
И люблю съ тоской о днѣ,
Когда ты средь жизни шумной
Позабудешь обо мнѣ.

РОМАНСЪ.

(Изъ книги „Сувениры“).

Будь я, родная, цвѣтокъ душистый
Тамъ, гдѣ въ долину журчитъ ручей,—
Я бѣ отдалъ солнце съ землей росистой
За лучъ единый твоихъ очей.

И нѣжной птичкой будь я, родная,
Любя средь листьевъ легко порхать,—
Къ тебѣ спустился бѣ я, довѣряя,
И не хотѣлъ бы въ мѣръ улетать.

И будь я вѣтромъ минутъ заката,
Цвѣточка бѣ даже я не качалъ,—
Весенней ночью, средь аромата,
Тебя и груди твои бѣ ласкалъ.

И силъ безплотныхъ будь я созданье,
Что навѣваетъ сонъ золотой,—
Я краль бы тайно твои лобзанья
И мчался бъ къ небу одинъ съ тобой.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Когда красивыхъ, какъ и ты,
Стиховъ вписать въ альбомъ не смѣю,—
Отъ аромата чистоты,
Цвѣтокъ небесный, я пьянѣю.

Когда ты нѣжныхъ пѣсенъ ждешь
Про дивный взоръ и станъ твой гибкій,—
Меня ты къ небесамъ влечешь
Своею ангельской улыбкой.

Когда же вздумаешь сказать
Пять буквъ, которыя такъ жду я,
Я могъ бы изъ могилы встать,
Чтобъ воспѣвать тебя, ликуя.

СОНЪ СЧАСТЬЯ.

Когда вся любовь лишь въ обманчивыхъ снахъ,
То счастье—во тьмѣ безпробудныхъ ночей.
Счастливецъ, кто можетъ парить въ облакахъ
И жить сновидѣньемъ вдали отъ людей.

Когда я лежу на колѣняхъ твоихъ,
Гляжу тебѣ въ очи безъ думъ и безъ словъ,—
Я вижу, что міръ—это рай для двоихъ,
И божескимъ сномъ я считаю любовь.

Когда этотъ сонъ, полный дивныхъ чудесъ,
Связуетъ два сердца блаженной мечтой,—
Сойди же на землю ты съ гордыхъ небесъ,
Сойди и узнай этотъ сонъ золотой.

ПОДЪ ЧАРАМИ.

Орла въ просторѣ неба ты видишь, дорогая:
Какъ радостно несется онъ къ дальнимъ облакамъ,—
Такъ я, душою веселъ, на образъ твой взирая,
Лечу въ истомѣ сладкой къ плѣнительнымъ мечтамъ

Лампады неба гаснутъ предъ утренней звѣздой:
Пронзительно и ярко лучи ея блестятъ,—
Когда ко мнѣ приходишь ты съ ясною душою,
Отъ нѣжныхъ чувствъ и счастья мои глаза горять.

Ты слышишь голосъ тайный утихшей полуночи
И запахъ благовонный курильницы цвѣтовъ,—
Такъ я ловлю твой шопоть, вперяя жадно очи,
И чую приближенъе замедленныхъ шаговъ.

Знай: у орла есть крылья для взлетовъ и паренья,
Звѣздамъ дано сіянье, и ночи—сладость сна,
Тебѣ даны всѣ чары, всѣ тайны увлеченья,
А мнѣ—душа, чтобъ ею владѣла ты одна.

Григорій Александреску.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Всѣмъ привѣтъ!—родному краю,
Что покинулъ я въ слезахъ,
И опять его встрѣчаю
Съ блескомъ радости въ очахъ.

Вамъ,—деревья дорогія,
Здѣсь взлелѣянные мной,
Что не разъ во дни златыя
Осѣняли мой покой.

Помню ваши, въ дни прощанья,
Пожелтѣвшіе листы,
И встрѣчаю въ часъ свиданья
Блескъ, и зелень, и цвѣты.

Когда былъ я юнъ годами,
Къ вамъ, какъ вѣтеръ, прилеталъ
И подъ вашими вѣтвями
Безмятежно я игралъ.

Вамъ еще приносятъ силы
Май, и солнце, и ручей,
Я жъ къ концу иду уныло,
Улетаетъ счастье дней.

И заботы и печали
Мнѣ готовятъ вѣчный кровъ,
Гдѣ какъ будто не бывали
Слово, разумъ и любовь.

Но хочу, чтобъ трупъ мой бранный
Легъ вблизи родныхъ могилъ,
Чтобъ смѣшать мой прахъ забвенный
Съ тѣмъ, кто жизнь мнѣ подарилъ.

ГЕОРГІЙ КОШБУКЪ.

ПАСТУШКА.

Тѣни гуше и длиннѣе,
За холмами гаснетъ день;
И, оставивъ вязовъ сѣнь,
Овцы внизъ бѣгутъ живѣе.
Все стремится на покой.
И все ближе и яснѣе
Пѣснь пастушки молодой.

«Ночи доброй! солнца свѣтъ!
Такъ до завтра! доброй ночи!
Вставъ, взгляни мнѣ завтра въ очи,
Я жъ спою тебѣ въ отвѣтъ.
Завтра, солнце, встань съ зарею
И разсыпъ ты надъ землею
Всѣ цвѣты, которыхъ нѣтъ!»

И къ закату оживаетъ
Солнце вдругъ отъ страсти къ ней
И корону изъ лучей
Въ ея волосы вплетаетъ.
«Коль не выйду завтра я,—
Кто по мнѣ весь день скучаетъ,
Я узнаю отъ ручья».

Какъ же не скучать по немъ!
Завтра, солнца ожидая,
Косы тихо расплетая,
Она станетъ надъ ручьемъ,
Видя бѣглыхъ тучъ движенье
И свое въ немъ отраженье
Въ дивномъ блескѣ золотомъ.

ТРИ ПОЦѢЛУЯ.

Она глядитъ съ тоскою :
Предъ ней мѣшокъ съ мукою,
Нести-жь не близкій свѣтъ.
Предметъ тяжеловатый!

—„Несу я“.—„Какъ“?—„За плату“—
Промолвилъ я въ отвѣтъ.
И умная дѣвица
Рѣшила согласиться,—
Не говорить же: „нѣтъ“!

Едва влачу я ноги
И, ставъ на полдорогѣ,
Прошу я, по цѣнѣ,
Три поцѣлуя мнѣ.
Но дѣву скупость гложетъ.
И—только посмотри—
Какъ плачется въ тревогѣ,
Что много, что не можетъ,
Что дорого, молъ, три!

На два она согласна:
Два это не опасно.
И тутъ же мнѣ сполна
Одинъ даетъ она.
Другой—въ долгу, но долга
Придется ждать мнѣ долго
И, что тамъ ни толкуй,
А я, бѣднякъ, потѣя,
Тащу мѣшокъ за нею
Всего за поцѣлуй!

П Ъ С Н Я.

Жизнь тяжка, ты не скорби,
Все оставь и полюби

Горе есть въ душѣ твоей,—
Не ропщи! Молчи и пей.

Грудь истерзана тоской,
Чтобъ забыться, пѣсни пой.

На землѣ и для души
Всѣ три средства хороши.

Ты попробуй, впрочемъ, ихъ.
Если жъ пользы нѣтъ отъ нихъ,—

Такъ умри, не будь глупцомъ :
Тамъ простятъ тебя потомъ.

А. Влахуца.

ХОТѢЛЪ БЫ Я.

(Сонетъ).

О, какъ я полюбить хотѣлъ бы снова,
Чтобъ жизнь цвѣла весенней красотой
И озарила вдругъ мой путь глухой
Волшебница изъ сказокъ и былого.

Чтобъ письма длинныя писать порой,
И робко подъ окномъ блуждать безъ зова,
И, тѣнь лова видѣнья дорогого,
Простаивать часы въ тиши ночной.

Хотѣлъ бы я ловить огни признанья
Въ большихъ глазахъ, что больно жгутъ меня
И видятъ зорко все въ одномъ движеньи.

Хотѣлъ бы я. въ чаду очарованья .
И свѣтлый мѣръ въ душѣ своей храня,
Ребенкомъ стать и вѣрить въ сновидѣнья.

М О И Г Р Е З Ы .

Мои разрушенныя грезы,
О васъ,—источникъ кручинъ,—
Твердятъ мнѣ въ первые морозы
И желтый листь, и грусть долинь.

И снѣга раняго угрозы
Я вижу въ сумракъ годинъ,
Мои разрушенныя грезы,
Что дали столько мнѣ кручинъ.

Когда весь лѣсъ, забывши грозы,
Зазеленѣтъ до вершинъ,
Мои разрушенныя грезы
Дойдутъ, быть можетъ, до глубинъ

П. Черна.

НОКТЮРНЪ.

Двѣ ели спятъ въ воротахъ сада.
Висятъ замки. Мертва ограда.
А въ домѣ пустота гнететь
Лампада гаснетъ, чуть свѣтлѣя,
Но скоро и она заснетъ...
Засни жъ и ты, надежда, съ нею!..

Въ горахъ пронесся стонъ свирѣли.
Огни на склонахъ порѣдѣли.
Вдали легенду о быломъ
Ручей твердитъ во мракѣ ночи.
Очагъ потухъ. Все спитъ кругомъ...
Закрой и ты, надежда, очи!..

Въ объятія сладкія покоя
Луна склонилась за горою.
И духи тишины летятъ,
Надъ міромъ крылья простирая.
Земля и небо мирно спятъ...
Засни жъ и ты, печаль глухая!..

НА ВЕРШИНАХЪ

Георгій Мурну.

НА ВЕРШИНАХЪ.

Здѣсь страха нѣтъ, нѣтъ опасенья,
Противоядіе со мной,—
Нашелъ я миръ и избавленье.
И что душѣ одно влеченье,
Когда безбрежность предо мной!

Здѣсь я не рвусь на дно морское,
Не мчусь отъ шума въ тихій боръ,
И къ небесамъ мостовъ не строю.
И ослѣпленіе бывшее
Забылъ я на вершинахъ горъ.

Іонъ Минулеску.

1875

John M. ...

...

...

...

...

Т Ы В Ъ Р И Ш Ь...

Ты вѣришь, можетъ быть, что то любовь святая?
О, нѣтъ! То страсти бредъ, безумья краткій мигъ...
Что намъ пригрезилось, къ чему рвались, мечтая,
Того не знала ты, того я не постигъ...

То былъ лишь чудный сонъ надъ зыбкою волною,
И горестный напѣвъ изъ неизвѣстныхъ странъ,
И стаи бѣлыхъ птицъ, парящихъ надъ душою,
И тонкій аромать, пьянящій, какъ дурманъ...

То былъ лишь звукъ, лишь лучъ, лишь зовъ
иного края,
Не пѣтый никогда никѣмъ еще куплетъ...
Ты вѣришь, можетъ быть, что то любовь святая?
О, нѣтъ! То страсти мигъ, безумья краткій бредъ...

СРЕДИ ЗАТИШЬЯ...

Среди затишья ночного
Пѣль на посту своемъ матросъ,
И гимнь его казалось росъ
Надъ гладью моря голубого.
Такъ часто крѣпость у стремнины
Въ тиши безмолвной, по ночамъ,
Часы вызваниваетъ намъ
Подъ рокоть нѣжной мандолины...

Матроса пѣснь порой стонала,
Но море словъ не понимало...

Онъ пѣль одинъ. И неся далѣ
За звукомъ звукъ, за валомъ валь,
Но голосъ грустный такъ звучалъ
И такъ слова его дрожали,
Какъ будто, подбирая строфы,
Стоялъ тамъ клириковъ соборъ
И пѣль торжественный ихъ хоръ
О новыхъ терніяхъ Голгофы...

Стонала пѣснь, стонало судно,
Но экипажъ спалъ непробудно...

О дивной сказкѣ иль былинѣ
Пѣлъ на посту своемъ матросъ,
И гимнъ его казалось росъ
И гдѣ-то замиралъ въ пустынѣ.
Въ чьемъ сердцѣ пѣсня та звучала?
И для кого былъ тотъ миражъ?
Вѣдь спалъ спокойно экипажъ
И море словъ не понимало...

Но были звуки вдохновенны
И тихо плакали сирены...

Видѣнье царства ты пустого
Въ мельканьяхъ свѣта и тѣней,
Ты—какъ фантазія больного
О сонныхъ лиліяхъ аллеи.

Въ твоихъ глазахъ—жуть преступленій
И отблескъ вѣчнаго ничто,
Въ нихъ сны грѣха и наслажденій,
Которыхъ не видалъ никто.

Твоихъ волосъ, какъ кольца дыма,
Волна клубится за волной,
Ты мертвымъ рыцаремъ любима,
А я... я—пажъ послѣдній твой.

Изъ дальнихъ царствъ твой образъ зыбко
Скользитъ луною средь деревъ,
И такъ онъ страненъ, какъ улыбка
Давно усопшихъ королевъ.

Томъ 1-й
На изданіи новаго въ изданіи 1840-го года
Въздъ изданія новаго въ изданіи 1840-го года

Михаилъ Замфиреску.

Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года
Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года
Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года

Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года
Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года
Новаго изданія новаго въ изданіи 1840-го года

РОМАНСЪ.

Въ лазури неба, въ нѣмомъ сіяньи,
Надъ ближнимъ лѣсомъ плыветъ луна,
И листья съ дрожью слились въ лобзаньи,
Какъ въ чарахъ сна.

Пока намъ свѣтитъ луна игриво,
Приди, царица души моей,—
Вѣдь наша юность съ порой счастливой
Подобна ей.

О нѣгѣ страсти ночь шепчетъ томно,
Луга покрывши живой росой
Вербена жметя къ лиліи скромной
Въ тиши ночной.

Пока уходитъ ночь торопливо,
Приди, царица души моей,—
Вѣдь наша юность съ порой счастливой
Подобна ей.

Волна такъ тихо и такъ безпечно,
Чуть колыхаясь, къ утесу льнетъ,
И гдѣ-то птичка о грезѣ вѣчной
Цвѣтку поетъ.

Пока тутъ плещетъ волна сонливо,
Приди, царица души моей,—
Вѣдь наша юность съ порой счастливой
Подобна ей.

НА ЖИЛДЫННІХ.

Слова могого

Ихъ - моего милаго,

Моя душа,

Ты, мой другъ, милая душа, ты живишь.

Н. Бельдичану.

И да въ твоихъ глазахъ...

Но ты живи, душа моя, живи,

А я буду - съ тобой земная.

Душа, душа, душа, душа, я умираю, душа,

И являю, душа, душа, душа, душа, душа...

Умираю ты, и душа, душа, душа,

Куда, куда, куда, куда, куда...

О, душа, душа,

А я умираю, душа, душа,

И умираю, душа, душа, душа, душа, душа...

Слушай,

Слушай,

Слушай, душа, душа, душа, душа, душа...

И умираю, душа, душа, душа, душа, душа...

О, душа, душа, душа, душа, душа, душа, душа...

НА КЛАДБИЩѢ.

Среди могиль
Ты сердцу милъ,
Мой сынъ,—
Ты, ясный свѣтъ моихъ годинъ...
Вокругъ тебя цвѣты живые
И ихъ глазенки голубые...
Но ты лишь душою со мной,
А тѣломъ—съ сырою землею...
Здѣсь—ключъ моихъ слезъ. Я выплакалъ очи,
И знаютъ про то только звѣздочки ночи...
Ушелъ ты, и былъ твой уходъ
Какъ свѣтлаго солнца заходъ...
О, сердце мое,
Ты слышишь биенье свое
И видишь, что весь я любовью разбитъ...
Стенанья,
Страданья,
Отъ васъ для любви нѣтъ защитъ...
Я горькія слезы принасъ
О томъ, что свѣтъ солнца въ могилѣ погасъ...

УВЛЕЧЕНЬЕ.

Я восхищенъ теперь тобою,
Какъ никогда и ни одною,—
Спроси глаза свои о томъ,
Глаза, горящiе огнемъ.
И если мнѣ не довѣряешь,
То ты тоски моей не знаешь,
Не знаешь ты, что самъ не свой
Я отъ улыбки лишь одной.

Когда ты рядомъ тутъ со мною,
Обвѣянъ весь я теплотою,
Въ лучахъ я солнечныхъ горю
И въ глубь души твоей смотрю.
Любовь голодную скрывая,
Тебя глазами пожирая,
Я все у ногъ твоихъ сложилъ,
И безъ тебя мнѣ свѣтъ не милъ:
Темнѣетъ солнце золотое,
И вся земля полна тоскою.

Въ тебѣ вся жизнь, врагъ дорогой..
Не оставляй меня съ тоской!
Молю тебя, не будь жестокой,
Не рой могилы мнѣ глубокой,
Не заступомъ, о нѣтъ, не имъ,
А равнодушіемъ своимъ!

И Т В О И

Ст. О. Иосифъ.

И обратя взираше
Серце твое отвори ми
Възвдохъ отъ гонимъ
И жну, какъ въ уднннхъ снхъ

Я ТВОЙ.

Одинокъ, томимъ тоскою,
Вяло брель я за мечтой,
Но прошла ты предо мною,
Улыбнулась, и—я твой.

И, объятая раскрывая,
Сердце ты открыла мнѣ:
Я нашель его, родная,
И живу, какъ въ чудномъ снѣ.

Д. Ангель.

П И С Ь М О.

Пишу,—чтобъ знала ты, что все у насъ какъ
было,

Что я вещицы здѣсь не тронулъ ни одной...
Перчатка на столѣ всѣ формы сохранила
И кажется твоей прелестною рукой.

И вотъ твой вѣеръ здѣсь и зеркало ручное,
Для каждой женщины вѣрнѣйшій изъ друзей:
Оно таить въ себѣ, оно несетъ съ собою
Секреты тайныхъ думъ и запертыхъ дверей.

И въ воздухѣ еще хранится запахъ нѣжный,
Твой запахъ, можетъ быть, иль тѣхъ прекрасныхъ
розъ,
Что увядали здѣсь предъ смертью неизбежной,
Прибавивъ къ памяти еще немного слезъ...

Г. Топырчану.

МАНОНЪ И ДЕ ГРИЕ.

(Сонетъ).

Она кокетливо вуаль свой управляетъ,
Объять предчувствіемъ, онъ передъ ней стоитъ.
Какъ милости прося, въ ея лицо глядитъ
И руки, голыя до самыхъ плечъ, лобзаетъ.

„Манонъ, мнѣ тяжело... Душа моя болитъ“...—
Онъ тихо шепчетъ ей и вдаль глаза вперяетъ.
Да! да! она пойметъ, какъ онъ теперь страдаетъ,
И лаской нѣжною вновь сердце опьянитъ.

Она-жь... она ушла, ему пославъ небрежно
Прощальный поцѣлуй рукою бѣлоснѣжной
И чуждая тоски его больной.

О, ты, безумнѣй всѣхъ въ содомѣ карнавала,
Манонъ! Манонъ! зачѣмъ же этотъ рой
Ты правнучекъ своихъ на бѣдныхъ насъ нагнала!

(Сонета)

Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!

Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!
Манонъ! Манонъ! Манонъ! Манонъ!

СІМЕ

Александръ Т. Стаматіадъ.

Не прікрасенъ же въ ней ризокъ
Ризокъ не уиетъ и венетокъ
И живи не стана бы ризокъ
Какъ намата добота мѣхъ ризокъ
Тѣмъ не насненъ же ризокъ
Ризокъ не уиетъ и венетокъ

Л И Л І Я.

Ахъ, эта лилія, что нѣжно
Струила тонкій аромать
И въ міръ влекла любви безбрежной,—
Поблекла, какъ потухшій взглядъ.

Ахъ, эта лилія, что нѣжно
Струила тонкій аромать!..

Не прикасайся-жь къ ней рукою,
Чтобъ не упаль и лепестокъ,
И жизнь не стала бы пустою:
Какъ память дорогъ мнѣ цвѣтокъ!

Такъ не касайся же рукою,
Чтобъ не упаль и лепестокъ!..

Юлій Цезарь Сэвеску.

ТИКЪ - ТАКЪ...

Тикъ-такъ! тикъ-такъ! бьетъ мѣрный молотъ.
И ночь глуха, и рѣзче холодъ.
Луна сіяетъ, какъ маякъ,
И въ гнѣздахъ птицъ уютъ и мракъ...
Тикъ-такъ! тикъ-такъ!..

И какъ недавно это было!..
Луна все также намъ свѣтила.
А я съ любимой былъ вдвоемъ
И соловей пѣлъ подъ окномъ
О днѣ златомъ!

Но соловьи всѣ улетѣли.
Не слышно больше нѣжной трели...
А мнѣ какъ пѣть, когда нѣтъ силъ!
Вѣдь все, что въ жизни я любилъ—
Среди могиль...

И лишь часы стучать печально,
И въ мой пріютъ, въ мой уголь дальній,
Гдѣ сердцемъ я отъ мукъ изсякъ,
Доносится, какъ нѣкій знакъ—
Тикъ-такъ! тикъ-такъ!

Т. Робяну (Д-ръ Г. Поповичъ).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

О, ЕСЛИ БЫ..

О, если бы хоть разъ вернулись
Иллюзіи моей весны!
И сказки снова улыбнулись
И снова снились счастья сны!

Тогда бы въ глубь души сокрытой
Вновь стали звѣзды проникать,
И сердца голось позабытый
Звенѣлъ бы весело опять.

И вновь въ красѣ необычайной
Та, что такъ нѣжно я любилъ,
Воскресла бы на голось тайный
Любви непобѣдимыхъ силъ.

СЪ ТѢХЪ ПОРЪ...

Съ тѣхъ поръ, какъ стала ты далекой,
Засохъ въ лѣсу нашъ дубъ высокій,
Погасъ на небѣ рядъ свѣтилъ,
Изрыты тысячи могилъ.

Хочу взглянуть тебѣ я въ очи
И тихо молвить: «доброй ночи»!
Но между мною и тобой—
И моря глубь и край чужой.

И только мыслью я блуждаю
И твой порогъ переступаю,
Цѣлуя съ нѣжностью любви
Черты прекрасныя твои.

Consiliul Județean Cluj
Biblioteca Județeană
"Octavian Goga"

Ионъ Ал-Георге.

922179

МОЛЧИ, ДОРОГАЯ!

Молчанье! молчанье!
Ни свѣта, ни даже страданья...
Не умерли мы и не живы.
И безъ содраганья,
Безъ вздоха—сердца молчаливы..
Не горять алтари,
Что были воздвигнуты нами.
Тамъ вьюга безумная бродить
И горы покрыты снѣгами.
А тутъ—посмотри,
Смерть блѣдная ходить..
Сердцецъ она нашихъ не леденить.
И не согрѣваетъ,
Нась къ себѣ не манить
И не отгоняетъ...
Однихъ оставляетъ въ ночи...
Молчи жъ дорогая, молчи!

ДВЕРИ И ДАЖ

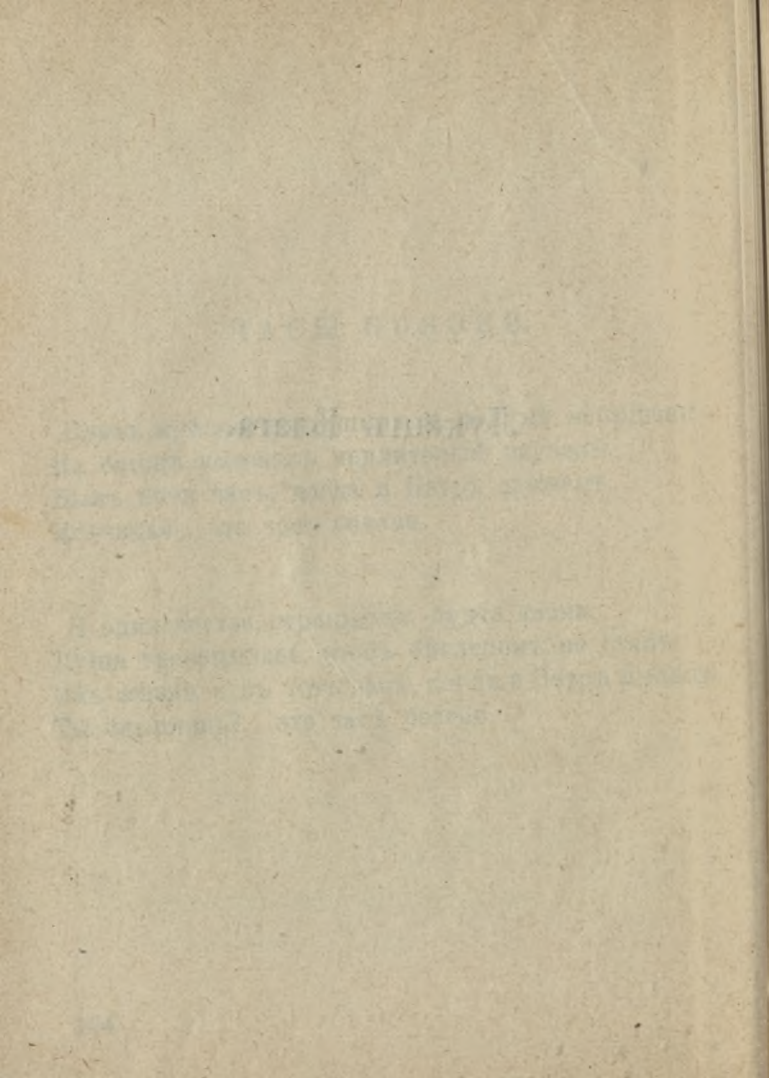
Г. Баковія.

ЧАСЫ БОЯЗНИ.

Близъ крѣпости спѣшилъ я, полный непріязни.
На башнѣ колоколь медлительно звучалъ.
Быль ночи часъ, когда и Петръ дрожалъ.
Молчанье!.. это часъ боязни.

Я одиночества страшился, будто казни.
Душа тревожилась, чтобъ бѣглецомъ не сталъ
Изъ жизни я въ тотъ часъ, когда и Петръ рыдалъ
Ты слышишь?.. это часъ боязни.

Лукіанъ Блага.

П Л У Г И.

Пріятель-другъ! ты—житель городской,
Безъ воздуха съ цвѣтами на окошкѣ,
Я за руку веду тебя съ собой.

Пріятель, ты ни разу не выдавшій
Ни поля, ни лучей, ни игръ не знавшій
Подъ грушами, расцвѣтшими въ саду,—
Иди,—узнай двухъ жизней борозду.

По склонамъ горъ, по пашнямъ и полямъ,
Ножи вонзивши въ землю, точно въ соты,
Плуги, одни плуги, плуги безъ счета,—
Какъ будто черныя большія птицы,
Слетѣвшія на землю съ неба къ намъ.

Чтобъ не вспугнуть ихъ нашимъ появленіемъ,
Къ нимъ надо приближаться только съ пѣньемъ.

Иди-же!..

Ближе!..

ИСТОЧНИКЪ ТЬМЫ.

Прекрасная моя!

Твои глаза черны, какъ тьма ночная...

Когда въ ихъ глубь смотрю я,
Къ твоимъ колѣнямъ голову склоняя,

Мнѣ чудится порой,

Что въ нихъ источникъ тьмы нѣмой...

Такъ глубоки, бездонны твои очи,

Что въ нихъ таинственно рождается! мракъ ночи

И стелется черезъ долины,

Ложится черезъ горы и равнины,

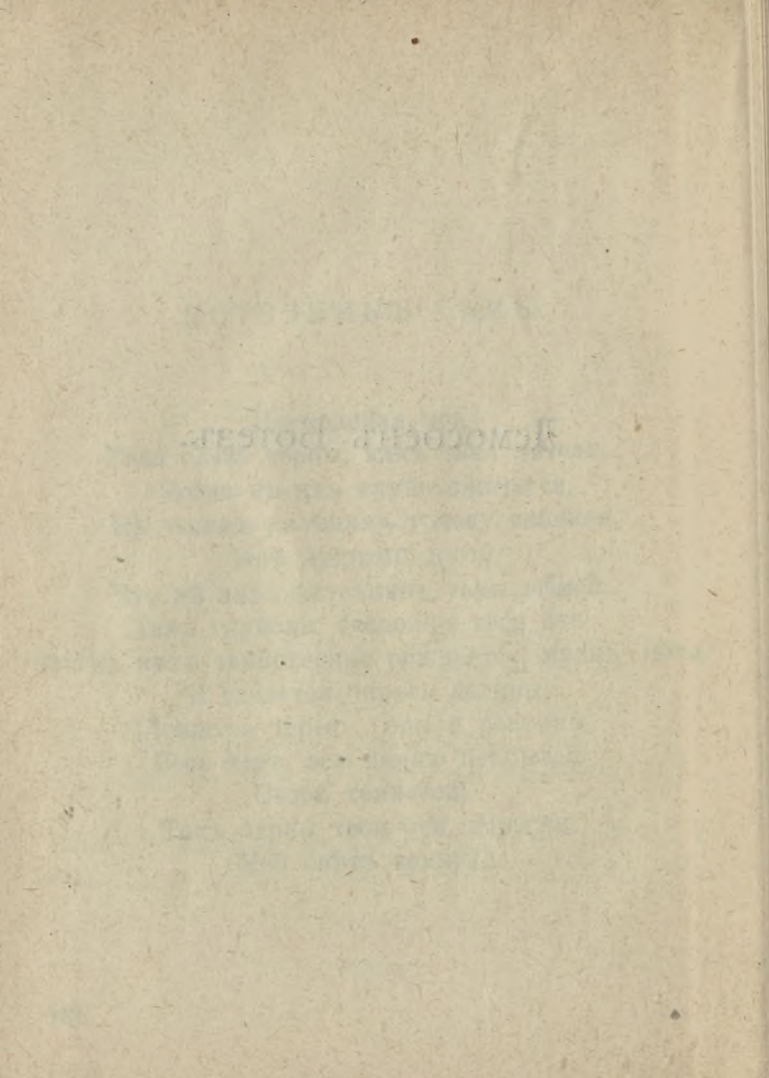
Весь міръ, всю землю покрывая

Своею темнотою...

Такъ черны твои очи, дорогая,

Мой свѣтъ земной!..

Демосѡенъ Ботезъ.

ПУСТАЯ НОЧЬ.

Казалось мнѣ,—я на землѣ одинъ,
И небо мнѣ казалось колокольной,
Чей колоколъ забылъ про міръ юдовый,
И вѣтеръ лишь шумить съ его вершинъ.

Остановился времени полетъ,
И изъ вѣковъ, минувшихъ за вѣками,
Во тьмѣ ночной, покрывшей все крылами,
Меня къ себѣ не знаю кто зоветъ.

Какъ камни, кѣмъ-то брошенные вслѣдъ,
Мои шаги доносятся порою
И длительно гудятъ они за мною,
Хоть голо все и гибнетъ всякій слѣдъ.

Страхъ одиночества меня гнететь
И тьмою-темъ проходятъ духи ночи,
И пустота, тѣснѣе и короче,
Какъ муравейникъ, вокругъ меня растеть.

Пустая ночь роняетъ пологъ свой
И я одинъ предъ тайною молчаній,—
Усталый міръ подъ бременемъ страданій
Легъ, словно воль тяжелый, на покой.

Михаилъ Кодряну.

ЛЮБИТЬ — ПРОЩАТЬ.

(Сонетъ).

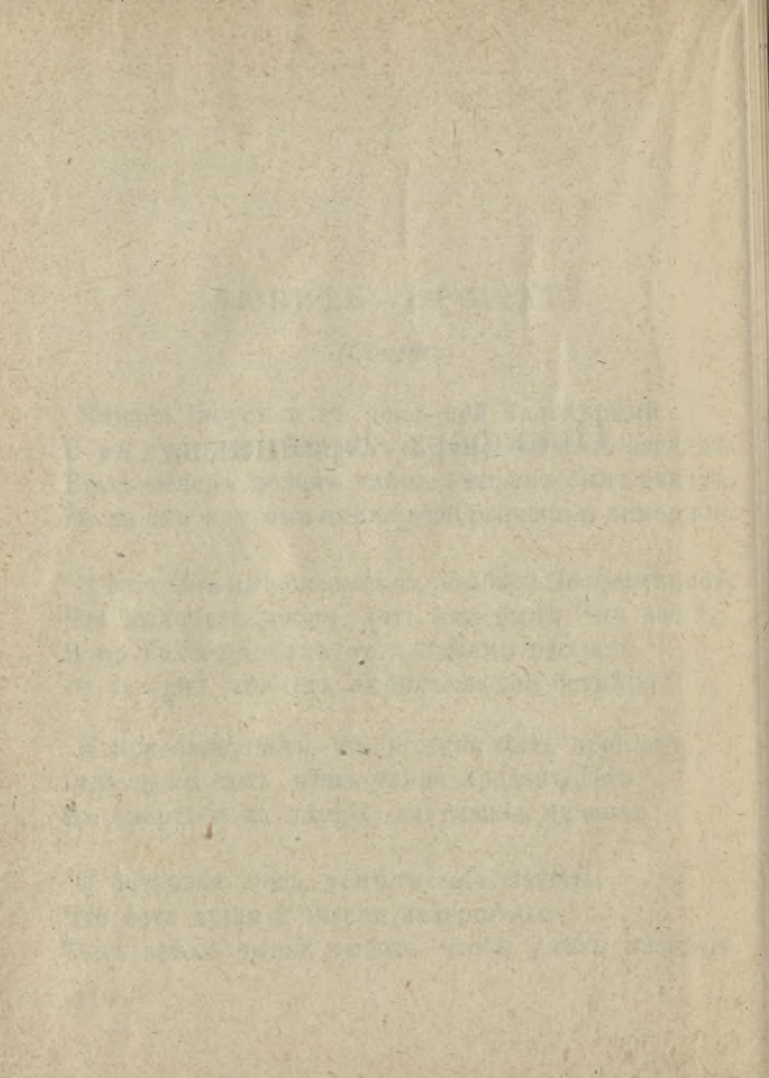
Явился Иисусъ и въ домъ мой маловѣрный
И въ душу мнѣ вперилъ проникновенный взглядъ.
Былъ вечеръ полонъ тайнъ и миренъ былъ закатъ,
Весна жъ кругомъ цвѣла всей роскошью химерной.

И вотъ Онъ мнѣ сказалъ съ улыбкой безпримѣрной,
Что люди всѣ добры, хоть ими былъ Онъ взятъ
И на Голгофѣ былъ съ злодѣями распятъ
За то одно, что Онъ любилъ людей безмѣрно.

И присовокупилъ, что можетъ быть прощенъ
Иуда даже самъ, кѣмъ тайно преданъ Онъ
На смерть и на позоръ, на тяжкія мученья.

И оставляя домъ, успѣлъ еще сказать,
Что есть души и мысли завершенье:
Такъ всѣхъ людей любить, чтобы умѣть прощать.

Никифоръ Крайникъ.

ЭЛЕГІЯ.

И сосенъ стройныя колонны,
Что аромать смолистый льютъ,
И гибкихъ вѣтокъ, что мнѣ шлютъ.
Чрезъ зелень стѣнь свои поклоны,
Я не увижу завтра, нѣтъ,
Я завтра ихъ ужъ не увижу!

И путеводныхъ звѣздъ мерцанье
Изъ бездны неба въ нашу даль,
И чуть окрашенный хрусталь—
Прозрачныхъ нашихъ чашъ мельканье,
Я знать не буду завтра, нѣтъ,
Я завтра больше знать не буду!

И эти искреннія руки,
Что замедляются въ моей
Съ сердечнымъ трепетомъ друзей
И съ беспокойствомъ въ часъ разлуки, —
Я не пожму ихъ завтра, нѣтъ,
Я не пожму ихъ завтра больше!

И этихъ пѣсенъ рой свободный,
Что лишь вполголоса пою
У очага, гдѣ я таю
Жаръ сердца подъ золой холодной, —
Я завтра пѣть не буду, нѣтъ,
Я ужъ не буду пѣть ихъ завтра!

В. Деметріусъ.

ВЪ НЕНАСТЬЕ.

Верховой въ трактирѣ. Конь стоитъ подъ бурей.
Улица пустынна и темна, какъ ночь.
Дерево трепещетъ, голову понуря.
Листья улетаютъ, какъ видѣнья, прочь.

Весь трактиръ убогій обь одномъ окошкѣ.
Какъ выносить крыша этакій содомъ!
Вотъ и свѣтъ погаснетъ. Вотъ еще немножко
Вѣтеръ разметаеъ этотъ ветхій домъ.

Бѣдный конь все ниже опускаетъ шею,—
Позабылъ хозяинъ къ яслямъ отвести.
Дождь изъ тучъ свинцовыхъ хлещетъ все сильнѣе,
Словно чортъ ихъ началъ по небу нести!

Овидъ Денсушіану (Эрвинъ).

КОГДА ОНИ ВЪ МѢСТАХЪ ДАЛЕКИХЪ...

Не думай ты о дняхъ прошедшихъ
И не оглядывай тѣней,—
Быть можетъ, души всѣхъ ушедшихъ
Въ тотъ міръ,—какъ знать?—гдѣ нѣтъ скорбей,
Забыли насъ.

Когда они въ мѣстахъ далекихъ,
Когда они—въ концѣ пути
Отъ зорь земли до звѣздъ высокихъ,—
Тогда,—какъ знать?—все то, что гложеть,
Черезъ могилы къ небу можетъ
И не дойти.

Взгляни кругомъ себя—на море
Житейскихъ бѣдъ. Зачѣмъ тонуть?—
Вѣдь можетъ міръ чудесъ блеснуть.
Пусть радость свѣтитъ въ пьяномъ взорѣ.
Живи! и за судьбой, не споря,
Отправься въ путь!

Викторъ Ефтиміу.

СЪВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Далекій съверъ. Дождь. По стекламъ монотонно,
Какъ олово, струя за струйкою бѣжитъ.
Унылы небеса и тучи ходятъ сонно.
Тяжелюю листвою усѣянъ полъ балкона.
И лампа въ комнатѣ чуть трепетно горитъ.

И женская рука изящная застыла,
Держа подъ лампою истрепанный романъ:
Безумная любовь... Италія.. и вилла...
И между тѣмъ, какъ здѣсь дождь бьетъ въ окно
уныло,
Тамъ голубѣетъ онъ, безбрежный океанъ.

Сады и бѣлыя террасы подъ лучами
Плывутъ изъ-за страницъ причудливо, какъ въ
снахъ,

И передъ сѣрыми прекрасными глазами—
Непрожитая жизнь съ однѣми лишь мечтами
О ласкѣ и любви, объ южныхъ небесахъ...

И мужъ ей говоритъ : «судьба гостей пригнала»!
Пасторъ, встряхнувши зонть, къ нимъ въ комнату
идеть.

Иллюзіи прошли. Она безмолвно встала,
Все схоронивъ въ душѣ, о чемъ сейчасъ мечтала,
И трубку и табакъ пастору подаетъ.

ВЪ ТВОЕМЪ КРАЮ.

Въ твоємъ краю цвѣты иные,
Иныя бабочки въ поляхъ,
Въ твоємъ краю лучи другіе
И новый блескъ въ другихъ звѣздахъ.

Тамъ травъ душистыхъ льются волны
Съ иныхъ невѣдомыхъ холмовъ,
И новыхъ шумовъ рощи полны,
А зори радужныхъ тоновъ.

Не потому ли въ твоємъ взорѣ
Теска яснѣй, чѣмъ у другихъ,
И, какъ струя на сонномъ морѣ,
Твой вздохъ такъ миренъ и такъ тихъ?

Не потому ли мнѣ такъ странно
Вечерней нѣги тишина,
И льется въ ней благоуханно
Кудрей сбѣжавшая волна?

Не потому ль душа такъ рвется
Къ тебѣ, какъ ни къ кому въ быломъ,
И сердце съ новой болью бьется,
Инымъ обманутое сномъ?

ХРИЗАНТЕМЫ.

Жди у окна. Пусть грусны и пусть нѣмы
Твои глаза и нѣтъ въ нихъ больше сновъ,—
Я принесу сегодня хризантемы,
Чтобы почтить погибшую любовь.

Я принесу, какъ символъ охлажденій,
Прощальные, послѣдніе цвѣты,—
При нихъ ужъ нѣтъ той повѣсти весенней,
И нѣтъ любви, и нѣтъ былой мечты.

Жди у окна. И пусть иной поэмы
Увидишь сны подъ властью новыхъ чаръ,
Я принесу сегодня хризантемы
И пѣснь мою—послѣдній сердца даръ.

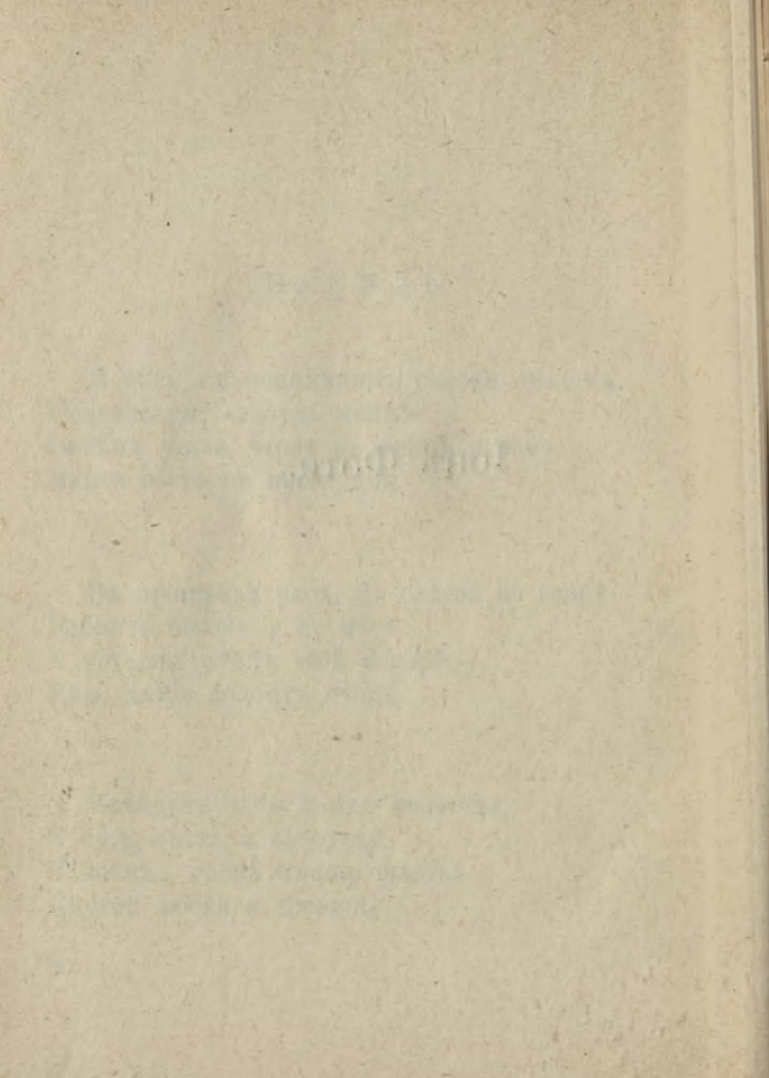
ЗАБУДЬ.

И вотъ, съ послѣднимъ сказки словомъ,
Сказала ты: «забудь меня!»
Затѣмъ ушла, чтобъ въ вихрѣ новомъ
Найти восторгъ иного дня.

Въ прощанья часъ, съ слезой во взорѣ,
Вѣрнуть былого я не могъ.
Я потеряю слѣдъ твой вскорѣ,—
Увы, давно подбитъ итогъ.

Пройдутъ часы и дни ненастья,
Я буду звать, я загрузу,
И послѣ... послѣ пѣсни счастья
Другой любви я посвящу.

Іонъ Фоти.

В Е Ч Е Р Ъ.

(Сонетъ).

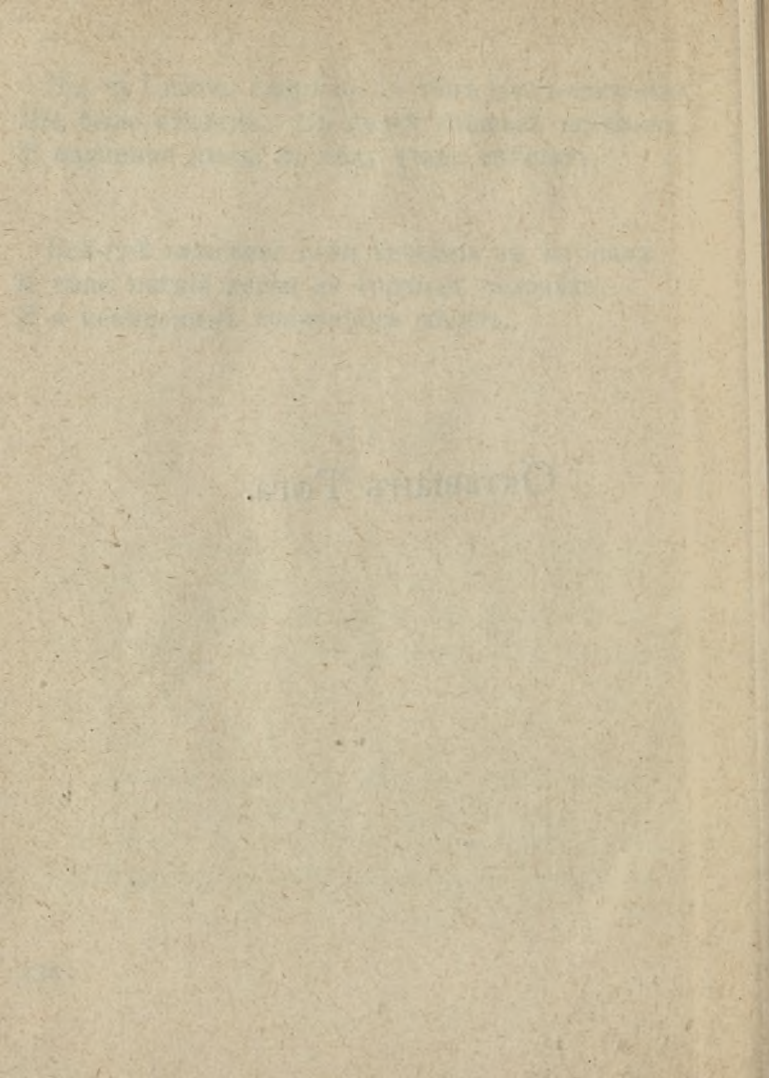
Закатные огни лѣсъ старый золотятъ,
Склонился солнца глазъ на горныя стремнины,
Цвѣтами красными качаются вершины,
Лучи, какъ въ пламени, дробятся и горятъ.

На свѣтлыхъ волосахъ алмазы и рубины,
Алѣветъ красочный и пурпурный нарядъ,
Какъ лакомъ крытые листы деревь блестятъ,
Серебряный ручей, звеня, бѣжитъ въ низины.

Но, чу! поетъ свирѣль... о томъ поетъ тоскливо,
Что было нѣкогда... Съ полей сбѣжавъ шумливо
И поднимая пыль, къ селу стада спѣшать.

Кой-гдѣ зажглись огни вечерніе въ загонахъ
И тѣни мягкія легли на горныхъ склонахъ,—
И я невѣдомымъ волненіемъ объять.

Октавіанъ Гога.

ГАСНЕТЪ РОЗА...

Въ цвѣточной вазѣ увядаетъ
Сегодня роза отъ тоски
И на окно свои роняетъ,
Какъ будто слезы, лепестки.

Она страдаетъ, но безъ гнѣва,
И умираетъ, но безъ словъ,—
Нѣма, какъ въ сердцѣ юной дѣвы.
Нераздѣленная любовь.

А завтра съ утренней зарею
Совсѣмъ осыплется она
И будетъ нѣжною рукою
Тотчасъ другой замѣнена.

Такъ вѣчно будутъ въ вазѣ старой
Цвѣтки одинъ другой смѣнять,
И сновидѣній нашихъ чары,
Какъ эти розы умирать.

СТОЮ НА БЕРЕГУ.

(Сонетъ).

Корабль отъ берега не связанный землей,
Устало двинулся въ обычномъ направленьи.
А съ нимъ ушла и ты, мелькнувши, какъ видѣнье;
Ты, незнакомая, замѣченная мной.

Тебя увидѣлъ я въ послѣднее мгновенье
И мнѣ ты, какъ была, останешься чужой,
И все же полонъ я невѣдомой тоской,
Что скрылся образъ твой въ туманномъ отдаленьи.

Стою на берегу въ раздумьи и печали
И сколько видитъ глазъ съ тревогою слѣжъ,
Какъ мчитъ тебя корабль все далѣе и далѣ.

Я къ мѣсту пригвожденъ какой-то тайной властью
И самъ себѣ дивлюсь и самъ себѣ твержу:
«Быть можетъ въ этотъ мигъ погибло твое счастье»

ПАРИЖЪ.

(Сонетъ).

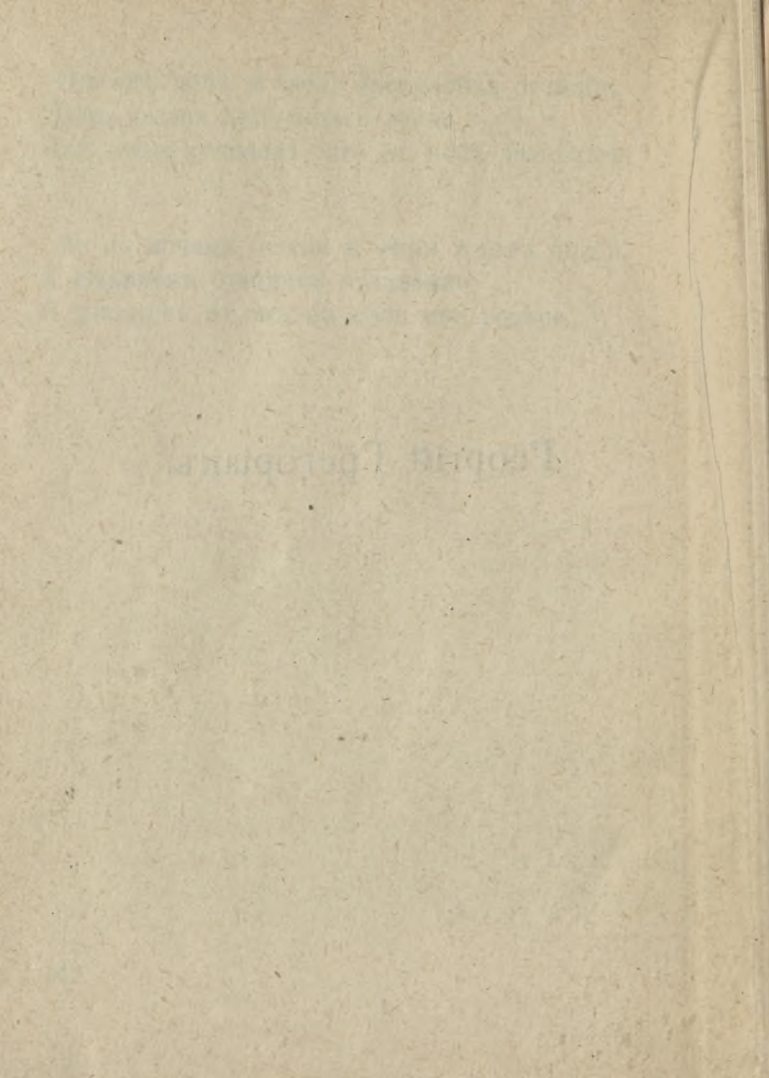
Въ окно размѣренно и гулко раздается
Нестройный шумъ: Парижъ неугомонный, —
Когда слышишь бѣгъ его безсонный,
Я чувствую, что здѣсь земное сердце бьется.

Какъ послѣ долгихъ битвъ, какъ воинъ утом-
ленный,
Боюсь, что онъ рубцовъ моихъ коснется,
Слѣпящій свѣтъ вездѣ, какъ пламя, льется
И робко я влачусь съ толпою миллионной.

Отнынѣ рабъ я твой, прекрасная столица,
Душа полна ликующаго звона
Изъ ряда куполовъ, что въ небѣ золотится.

Но по ночамъ, когда и тѣни ждуть покоя,
А Вавилонъ бушуетъ отдаленно,
Я уношусь во снѣ въ село мое родное...

Георгій Грегорианъ.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ.

(Сонетъ).

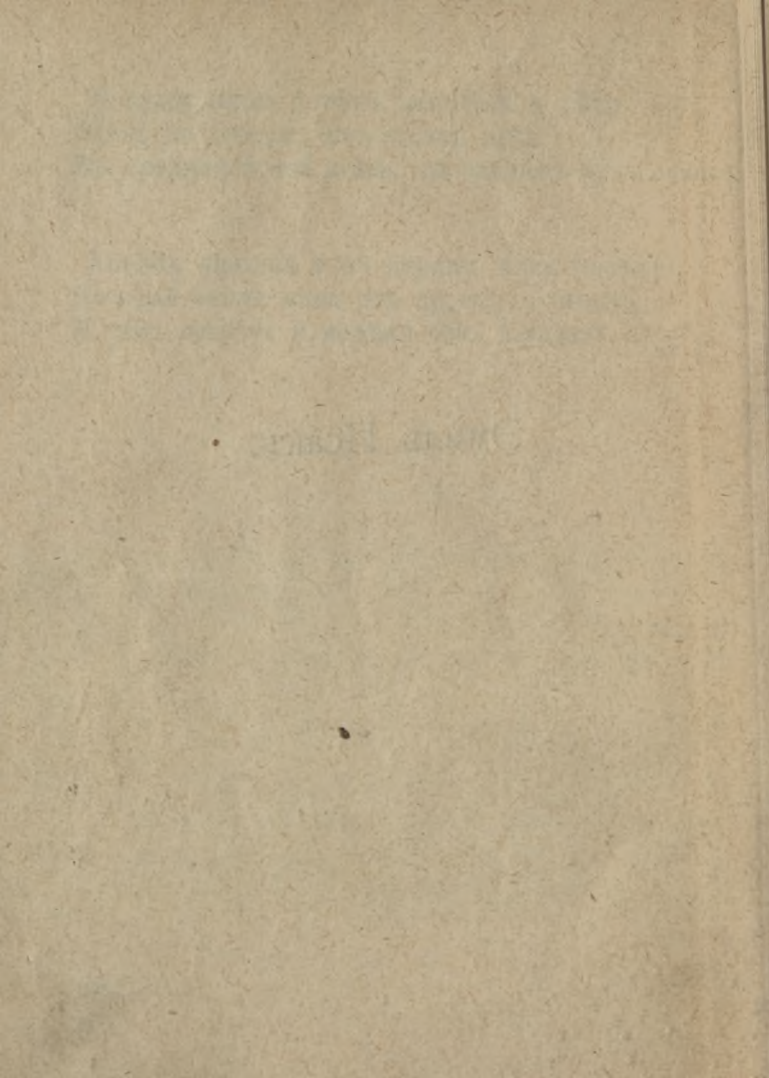
Въ сандаляхъ на зарѣ я вышелъ изъ преддверій
И въ поискахъ дорогъ безцѣльно я блуждалъ
По долгому пути изъ золота, и сталъ
На самый край земли, вдали отъ суевѣрій.

Простора одного мой взоръ давно алкалъ,
Безумно жаждалъ я таинственныхъ мистерій,
Но скупо заперъ онъ, невѣдомый, всѣ двери
И хоть крупицы мнѣ богатствъ не обѣщаль.

Я душу лишь хотѣлъ насытить и уйти
Опять по долгому изъ золота пути
Къ срединной той межѣ, гдѣ блещетъ лучъ заката.

Хотѣлъ явиться я съ дарами, какъ посоль,ъ,
Но край земли меня отъ прошлаго отвелъ,
И тамъ остался я навѣки безъ возврата...

Эмиль Исакъ.

СЕГОДНЯ КТО, СКАЖИ...

Сегодня кто, скажи, съ тобою
Шель по тропинкѣ надъ рѣкою?
Кого ты ждешь порой ночью?

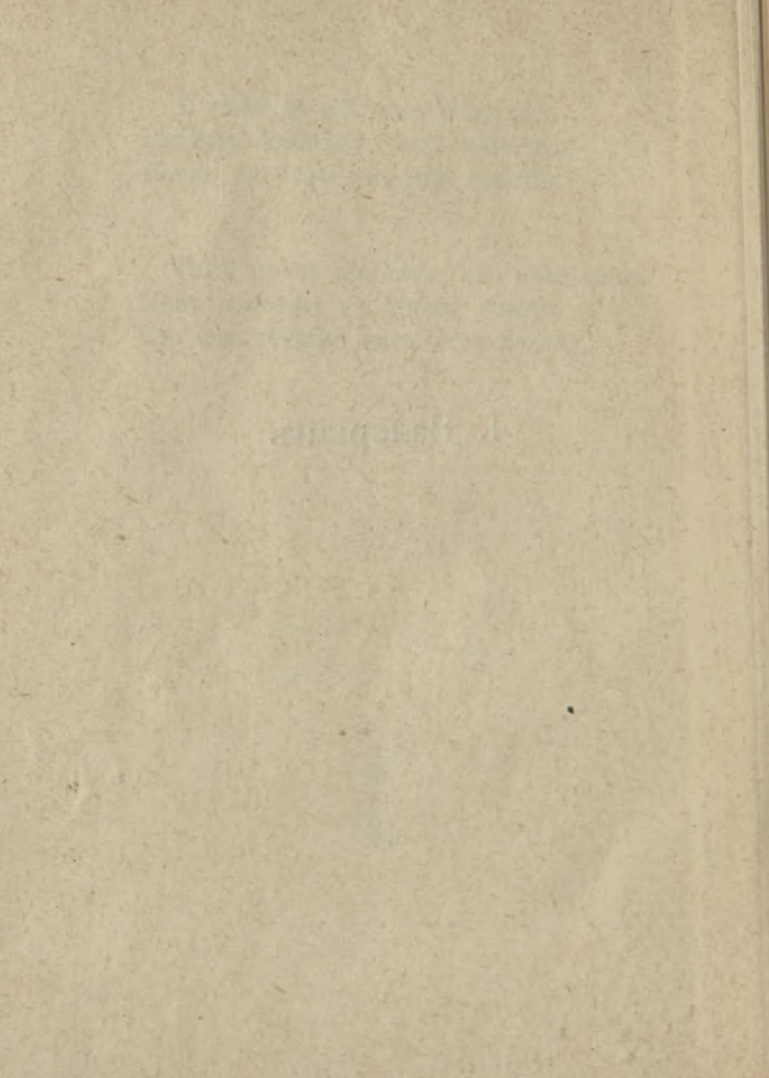
Кому пророчишь въ жизни розы?
Чье имя шепчешь ты сквозь грезы?
И съ кѣмъ прикапливаешь слезы?

Кому твердишь свои признанья?
Съ кѣмъ ждешь цвѣтовъ очарованья,
Клянeshь природы увяданье?

И чьей душѣ твое участие?
Зачѣмъ боишься дней ненастья,
Когда ты безъ ума отъ счастья?

Такъ пусть же тотъ, кто пожелаетъ
Меня развестъ съ тобою, знаетъ,
Что онъ тѣснѣ насъ сближаетъ!..

І. Валеріанъ

Ф А Н Т О М Ъ.

Въ безмолвной тишинѣ уснувшаго кладбища,
Какой-то призракъ, рѣющій верхомъ,
Съ глазами мрачными, какъ уголь непелища
Среди руинъ блуждаетъ, какъ фантомъ.

Коня остановивъ у края свѣжей ямы,
Слѣзаетъ внизъ на рыхлые пески
И зарываетъ въ ней безмолвно и упрямо
Онъ тьмы ночной застывшіе куски.
Могильщикъ такъ, увидя гробъ открытый,
Стремится забросать его землей отрытой.

Затѣмъ средь тишины, и жуткой и пустынной,
Зажжетъ огонь и на холмѣ стоитъ,
И свѣтъ кой-гдѣ блеснетъ въ мѣстахъ, покрытыхъ
тиной,

И ночи мракъ мѣстами просверлитъ.
Такъ духъ изъ глубины, невѣдомой и черной,
Бросаетъ взоръ свой острый и упорный.

Когда-жъ заря зажжется въ вышинѣ,
Руками бѣлыми кладбище обнимая,
Фантомъ расходится, въ туманѣ исчезая,
И оставляя въ мрачной глубинѣ
Ряды гробовъ, что мирно спять... во мнѣ.

КАРАВАНЪ.

Сталъ караванъ для отдыха въ пустынь,
Печальной и пустой, какъ мертвая душа.
И прилегли усталые въ равнинѣ
Верблюды мирно въ рядъ, подъ кладью чуть дыша.

Онъ долго шелъ изъ Индіи богатой
И много везъ съ собой товаровъ дорогихъ :
Парчу и шелкъ, каменія и золото
И много древнихъ книгъ, и мудрыхъ и святыхъ,
Съ большимъ трудомъ разысканныхъ когда-то.

И стало вечерѣть. И вдругъ неожиданно
Задвигались пески, самумъ забушевалъ,
Какъ грозный смерчъ въ пустыняхъ океана.
Когда жъ все улеглось, то даже слѣдъ пропалъ
Богатаго, большого каравана.

Съ тѣхъ поръ боюсь я пустоты молчанья
И не даю душѣ забыться мирнымъ сномъ:
Онъ предо мной, какъ будто указанье,
И живъ во мнѣ онъ въ тайникахъ сознанья
Тотъ мертвый караванъ, засыпанный пескомъ.

В. Войкулеску.

Историческое

НА РАСПУТЬИ.

Есть перекрестки душъ, такіе жъ, какъ въ пути,
Проселки разные съ заросшею тропою:
Распутіе дорогъ... Которой же идти?
Окрестности мертвы и никого съ тобою.

Въ какую сторону распутья повернуть,—
Ни знака, ни слѣдовъ ушедшихъ передъ нами.
И какъ рѣшить, кто выбралъ вѣрный путь?
Вѣдь каждый путь усѣянъ лишь крестами.

Здѣсь будто домъ пустой: развалины кругомъ...
Очагъ разбитый... ключъ съ изсякшею водою...
И тополь высохшій и жуткій, какъ фантомъ...
Все говоритъ, что здѣсь не мѣсто для покоя.

И ты, какъ въ сторонѣ, и ты, какъ средь чужихъ
И хочется бѣжать отъ пажитей бесплодныхъ...
Такъ на распутьяхъ душъ: становишься на нихъ
И все колеблешься въ дорогахъ неисходныхъ...

Г. Талазъ.

rest of it

ЗДѢСЬ ХОРОВОДЪ.

Здѣсь хороводъ. И всюду оживленье.
И пѣснь звонка. Ликуеть все вокругъ.
Но родины я слышу сожалѣнье:
«Ты мнѣ чужой! Ты не знакомъ мнѣ, внукъ»!

И слышу я, что сердце робко бьется,
Какъ пилигримъ у запертыхъ воротъ.
Напрасно все. Быloe не вернется,
Чтобъ снова пѣть безъ горя и заботъ.

Я прохожу безъ близкаго и брата.
И чувствую, что сталь я всѣмъ чужой.
Здѣсь хороводъ. Но счастьемъ нѣтъ возврата,
И я одинъ съ разбитою душой...

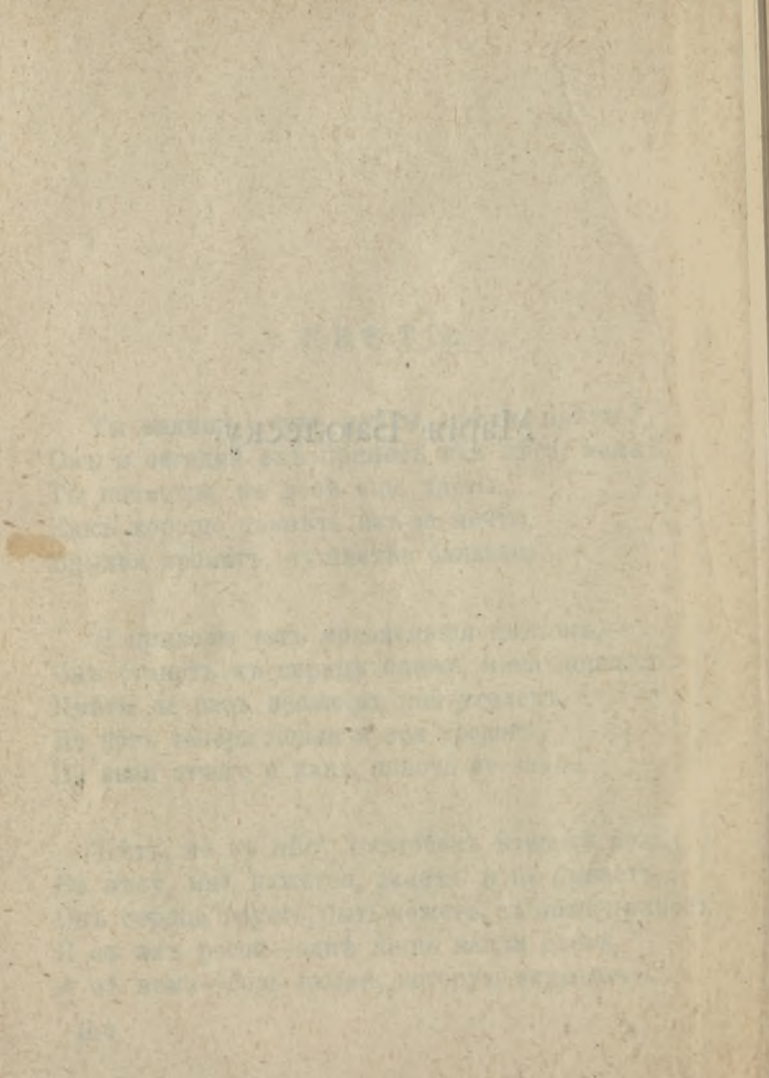
Ц В Ъ Т Ы.

Ты видишь : тутъ цвѣты, цвѣты, цвѣты?
Онъ и сегодня ихъ принесъ изъ лѣса, мама!
Ты посмотри, въ росѣ еще листы...
Какъ хорошо пьянѣть изъ-за мечты,
Вдыхая аромать, душистѣе бальзама...

Я приколю тотъ красенькій цвѣтокъ,—
Онъ станетъ къ сердцу ближе, мама дорогая...
Цвѣты не разъ несли въ мой уголокъ,
Но вотъ теперь полна я вся тревогъ,
Не зная отчего и какъ помочь не зная...

Нѣтъ, не въ лѣсу цвѣточекъ каждый росъ!
Въ лѣсу, мнѣ кажется, такихъ и не бываетъ...
Онъ сердца грусть, быть можетъ, въ нихъ принесъ:
И съ ихъ росой—однѣ лишь капли слезъ,
А съ ними—боль любви, которую скрываетъ...

Марія Баюлеску.

КОГДА-БЪ ТЫ ЗНАЛЪ...

Когда-бъ ты зналъ, что тамъ, за далью,
Въ чужихъ краяхъ блуждаю я,—
Неужто-бъ ты съ нѣмой печалью
Не звалъ меня?

И если-бъ зналъ, что ты лишился
Друзей на жизненномъ пути,—
Ты неужели-бъ не стремился
Меня найти?

И если-бъ зналъ, что я убого
Живу, забывши жизни гуль,—
Ты-бъ развѣ у дверей немного
Не отдохнулъ?

И если-бъ зналъ, что я съ тоскою
Тебя все помню и зову,—
Ты развѣ не былъ-бы со мною
И на яву?

И если-бъ зналъ, что дни за днями
Всегда любовь твоя мой храмъ,—
Ты-бъ развѣ не прильнулъ устами
Къ моимъ устамъ?

Н. Милку.

П И С Ь М О.

Я вновь тебя искать напрасно начинаю...
Ты видишь? Я одинъ, и не сошелъ съ пути...
Я знаю, нѣтъ тебя, но ничего не знаю
Изъ тайнъ, которыя могли насъ развести...

Расцвѣтшіе цвѣты къ стеклу окна прильнули
И ждуть, когда придешь, полны нѣмой тоски...
И думы скорбныя, что я тебя найду ли,
Срываются порой, какъ будто лепестки...

И начинаю я всѣ поиски сначала.
Но гдѣ жъ дороги тѣ, что надо мнѣ искать?...
И въ уголь свой я прихожу устало,
И не съ кѣмъ о тебѣ и слова мнѣ сказать...

Ал. Терзиманъ.

С К А З К А.

Изъ старыхъ дивныхъ сказокъ, читанныхъ когда-то,
Меня тревожило бездушіемъ своимъ
Сказанье о поэтѣ, что любилъ такъ свято,
Такъ горячо любилъ и умеръ не любимъ.

Съ тѣхъ поръ минули дни, и мѣсяцы и годы.
Я на пути моемъ, пустынномъ, безъ цвѣтовъ,
Съ ней встрѣтился, съ живымъ цвѣткомъ природы.
Но почему, увы, всегда на сердца зовъ,—

Когда я къ ней стремлюсь душой обвороженной,
Мнѣ память шепчетъ каждый разъ о немъ,
Погибшемъ отъ своей любви нераздѣленной,
Ту сказку о поэтѣ молодомъ?..

И. Немицеску.

М О Л Ь Б Ы.

Приносить колоколь далекій
Печали тайной голоса,
Когда луна съ стези высокой
Ласкает міръ и небеса.

Ты плачешь, можетъ быть, родная,
И сердце тайно ждетъ съ мольбой,
Чтобъ стала краткой скорбь нѣмая
И чтобъ былъ дологъ твой покой.

И я съ тревогой на чужбинѣ
Молю, какъ прежде, Бога вновь,
Чтобъ Онъ помогъ тебѣ въ кручинѣ
И укрѣпилъ твою любовь.

А. Веря.

Conservatorship
Bibliothèque
Conservator

ИСКОННЫЙ КРУГЪ.

Если, встрѣтившись со мною,
Ты глядишь притворно вдаль,—
Мнѣ пріятно, я не скрою,
И чужда душѣ печаль.

Даже если словъ занозы
Ты готовишь, я смѣюсь :
Эти страхи и угрозы
Мнѣ знакомы, признаюсь.

Въ каждой искренности мнимой
Тотъ же все исконный кругъ :
Ты сегодня—врагъ любимый,
Завтра ты—забытый другъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<u>Стр.</u>
<i>Предисловіе С. Н. Чебана</i>	3
<i>Михаилъ Еминеску:</i>	
О, приходи	19
Сонетъ	21
О, останься	23
Пусть годъ мелькнулъ	25
И если	27
Изъ вѣчной тьмы	28
<i>Василій Александри:</i>	
Прощай	33
Романсъ	35
Въ альбомъ	37
Сонъ счастья	38
Подъ чарами	39
<i>Григорій Александреску:</i>	
Возвращеніе	43
<i>Георгій Кошбукъ:</i>	
Пастушка	47
Три поцѣлуя	49
Пѣсня	51

	<u>Стр.</u>
<i>А. Влахуца :</i>	
Хотѣлъ бы я	55
Мои грезы	56
<i>П. Черна :</i>	
Ноктюрънъ	59
<i>Георгій Мурну :</i>	
На вершинахъ	62
<i>Ионъ Минулеску :</i>	
Ты вѣришь	65
Среди затишья	66
Видѣнье царства ты	68
<i>Михаилъ Замфиреску :</i>	
Романсъ	73
<i>Н. Бельдичану :</i>	
На кладбищѣ	77
Увлеченье	78
<i>Ст. О. Иосифъ :</i>	
Я твой	82
<i>Д. Ангелъ :</i>	
Письмо	85
<i>Г. Топырчану :</i>	
Манонъ и де-Гріе	89
<i>Александръ Т. Стаматиадъ :</i>	
Лилія	92
<i>Юлій Цезарь Сэвеску :</i>	
Тикъ-такъ	95
<i>Т. Робяну (Г. Поповичъ) :</i>	
О, если бы	99
Съ тѣхъ поръ	100

<i>Ионъ Ал-Георге :</i>	
Молчи, дорогая	102
<i>Г. Баковія :</i>	
Часы боязни	104
<i>Лукіанъ Блага :</i>	
Плуги	107
Источникъ тьмы	108
<i>Демосѳенъ Ботезъ :</i>	
Пустая ночь	111
<i>Михаилъ Кодряну :</i>	
Любить—прощать	114
<i>Никифоръ Крайникъ :</i>	
Элегія	117
<i>В. Деметріусъ :</i>	
Въ ненастьѣ	120
<i>Овидъ Денсушіану :</i>	
Когда они въ мѣстахъ далекихъ....	122
<i>Викторъ Ефтиміу :</i>	
Сѣверный пейзажъ	125
Въ твоёмъ краю	127
Хризантемы	129
Забудь	130
<i>Ионъ Фоти :</i>	
Вечеръ	133
<i>Октавіанъ Гога :</i>	
Гаснетъ роза	137
Стою на берегу	139
Парижъ	141
<i>Георгій Грегорианъ :</i>	
На краю земли	145

	<u>Стр.</u>
<i>Эмиль Исакъ :</i>	
Сегодня кто, скажи	149
<i>I. Валеріанъ :</i>	
Фантомъ	153
Караванъ	155
<i>B. Войкулеску :</i>	
На распутьи	159
<i>Г. Талазъ :</i>	
Здѣсь хороводъ	163
Цвѣты	164
<i>Марія Баюлеску :</i>	
Когда бѣ ты зналъ	167
<i>Н. Милку :</i>	
Письмо	170
<i>A. Терзиманъ :</i>	
Сказка	172
<i>I. Немицеску :</i>	
Мольбы	174
<i>A. Веря :</i>	
Исконный кругъ	176

